

невую среду города идею, заложенную в господствующем ландшафте, интерпретированную в городских ансамблях и фрагментах, которая формирует объединяющую метафору. Такая метафора – обязательное условие целостности композиционно-образной структуры города и, в связи с этим, социально-психологического комфорта его жителей.

1.Лихачев Д.С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. – СПб.: Наука, 1991. – 371 с.

2.Жолтовский И.В. Принцип зодчества // Архитектура СССР. – 1933. – №5. – С.28-29.

3.Линч К. Образ города. – М.: Стройиздат, 1982. – 327 с.

4.Мастера архитектуры об архитектуре. – М.: Искусство, 1972. – 590 с.

5. Бычков В.В. Малая история византийской эстетики. – К.: Путь к истине, 1991. – 407 с.

Получено 20.10.2005

УДК 72.012

Е.Е.ФОНДОРКО, канд. архит.

Харьковская национальная академия городского хозяйства

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ. АСПЕКТ ОСЕВЫХ ПОСТРОЕНИЙ

Рассматриваются вопросы формирования эстетической целостной среды мегаполисов в аспекте новых композиционных построений.

Многосложная пространственная среда мегаполисов оставляет актуальным аспект ее композиционной организации. Уровень этой организации во многом определяет комфортность проживания в среде – от интерьерных пространств города до крупных агломераций. Одним из факторов формирования градостроительной композиции являются осевые системы.

В архитектурной теории и практике существуют разные осевые концепции – с приматом прямоугольных структур и свободного сочленения осевых направлений. Но возникает вопрос: каким образом они сосуществуют в архитектуре, и как происходит их объединение при распространении города на большие территории, включающие разные природные ландшафты и транспортные условия?

Подобные вопросы неоднократно возникали в теории градостроительства и на этапах практического проектирования. Обратимся к рассмотрению некоторых из них.

Ле Корбюзье столкнулся с этой сложной проблемой в проекте «Вуазен» [6]. М.Г.Бархин ищет ее решение в переходе от «планиметрических» структур к структурам объемным, трехмерным, которые проявляются в городах при переходе в четвертое измерение – вре-

мя. Очевидно, речь идет о том, что эти объемные структуры выполняют свои объединяющие функции, будучи обозреваемы в различное время. С этих позиций он критикует тезис об «ограничении применения понятия композиции как не имеющей возможности охватить весь город в целом» [5, с.66]. О таком ограничении пишет, например, И.Страутманис, считающий, что эстетическая целостность архитектуры проявляется лишь в небольших фрагментах [8].

Но, отвергая такое ограничение, М.Г.Бархин не конкретизирует свою объединяющую концепцию. Конечно, целостность планиметрической структуры города и целостность объемно-пространственной композиции разделять нельзя. Но в то же время, по мнению автора, «все градостроительные концепции высших иерархических уровней являются плоскостными, планиметрическими категориями...и, однако, для категории города они, хотя бы в общих чертах, уже должны отчетливо представлять объемные параметры» [5, с.68].

Эта оговорка – «в общих чертах» – не дает возможности представить, какие же это «объемные параметры» выходят из «планиметрических категорий».

Вопрос поставлен, но ответа нет.

Такое же совмещение планиметрии с объемными архитектурными доминантами декларирует и Д.М.Аранович в анализе античного Рима [2].

Несколько предложений по координации «планиметрических и объемных параметров» сделал и Н.Н.Баранов [3, 4].

В его исследованиях существует ряд интересных аспектов, которые могут прояснить путь к такой координации. Так, обосновывая визуальные связи между доминантами-ориентирами ленинградского центра, он предлагает распространить их до Смольного монастыря [3, с.138].

Интересно то, что эти реальные визуальные связи выходят за рамки однокоординатной системы и приобретают диагональную направленность. Кроме того, осевые разнонаправленные структуры, сгруппированные вокруг каждой из доминант, объединяются такими диагональными связями в единую осевую систему.

Однако, переходя к новым районам – к Московскому проспекту и поперечной магистрали, ведущей ко Дворцу Советов, автор предлагает объединить доминанты чисто планиметрическими средствами. И, кроме того, вне их взаимодействия с доминантами центра [3, с.145-146].

Более конкретно об эстетическом объединении «в категориях города» пишет К.Линч. Он так же, как и многие другие, отдает должное прямоугольным структурам в силу их семантической значимости – как

модели высшего порядка. Но, когда он рассматривает градостроительные образования крупного масштаба, он также переходит к сложным структурам, отличным от структур с преобладанием лишь двух перпендикулярно пересекающихся осей. К.Линч не сомневается, как И.Страутманис, что возможно эстетическое единство не только в пределах крупного города, но даже агломерации. В качестве средств такого объединения он называет «сверхкрупные зримые формы» природного ландшафта. Он приводит в качестве примера ландшафт в районе Флоренции, где «долины, гребни гор и маленькие холмы чрезвычайно разнообразны, но явно образуют единую систему... Следуя геологическому строению рельефа, люди достигли здесь тонкого и отчетливого вписывания собственных действий в окружающую среду. Целое образует единый ландшафт и, все же, каждую его часть можно легко отделить от соседней» [7, с.89]. К такой же целостной природной структуре он относит район Сэндвича в штате Нью-Гемпшир, где «Белые горы спускаются к истокам рек Мерримак и Пискатаква» [7, с.89].

К.Линч считает, что и сегодня, при разрастании агломераций и городов, человек ощущает ландшафтную целостность благодаря развитию скоростных магистралей, при которых «такая крупномасштабная организация принципиально возможна» [7, с.89].

Переходя к городу как составной части ландшафта региона, он выделяет в его структуре пять взаимосвязанных категорий, которые в совокупности дают возможность объединить формы среды, в том числе однонаправленные структуры отдельных фрагментов. Среди этих пяти категорий он выделяет «ориентиры» и «пути», которые, с его точки зрения, позволяют человеку ориентироваться в городе, находясь в разных его частях.

К.Линч увязывает ориентиры с созданием образного плана города и при этом подчеркивает роль двух его элементов – путей и районов. Образный план «должен отобразить расположение ориентиров, развитие визуальной иерархии путей, создание или выявление узловых точек; это план должен иметь дело с взаимосвязями элементов, их восприятием в движении – иными словами, с концепцией города как визуальной формы» [7, с.98]. Ключевой позицией здесь является формирование системы «ориентиров» для «упорядочивания окружения». Эта система выражается, по К.Линчу, в иерархических структурах. Город эстетически объединяется с окружением при наличии мощной общегородской доминанты или нескольких доминант. В качестве таких он приводит флорентийский собор Брунеллески Санта Мария дель Фьоре. Его купол возвышается над долиной. Его расположение изначально совпадало с транспортным узлом. К.Линч подчеркивает при этом роль

Кампанеллы у собора; по их пространственным взаимосвязям человек устанавливает направление с больших расстояний. В качестве такого же ориентира К.Линч отмечает и золотой купол бостонского Капитолия. Он расположен на вершине холма и раскрыт к Коммон.

К.Линч выделяет и внутригородские ориентиры – изолированные, одиночные группы или пучки, в которых каждый элемент усиливает другой. Но К.Линч не раскрывает их связи с общегородскими ориентирами. Правда, он вскользь упоминает связи во Флоренции площади д'Аннунциаты с куполом того же собора Санта Мария дель Фьоре. Но это чисто локальная связь не позволяет представить в целом объединение районов города с различными осевыми структурами.

В общетеоретическом плане К. Линч отмечает, что «каждый из районов города может обладать жесткой внутренней структурой, соединяясь с другими одним узлом или «швом»». Но следующая фраза остается загадочной: «Если эта связь развивается во внутренней структуре района, она остается гибкой» [7, с.86].

Своеобразную трактовку объединяющих ориентиров предложил В.Л.Антонов. Он, прежде всего, в согласии с К.Линчем, считает возможным эстетическое объединение крупных территорий. Он приводит в пример градостроительные образования древности, античности и средневековья – от египетских городов вдоль русла Нила до Киева и Москвы. Он обосновывает такую возможность и предложенным им проектом харьковской групповой системы расселения [1].

В.Л.Антонов отмечает при этом роль пространственных осей ландшафта и его доминирующих форм. Он выделяет в каждом ландшафте места стыков пространственных осей как важные для объединения визуальные формы. Объединяющие функции этих «фокусов» проявляются при обозрениях с путей движения, и последним, как и у К.Линча, отводится важная композиционная роль.

Можно сказать, что техника объединения сводится к координации путей движения и градостроительных доминант. При этом общегородские пути движения охватывают «форму-ориентир». Эта форма названа автором «монтажной доминантой».

В.Л.Антонов не касается конкретно осевых структур районов, откуда обозревается общегородская доминанта или их созвездие. Он акцентирует технику объединения каждого из районов с центром. По его концепции, пути движения должны быть построены таким образом, чтобы кульминационное раскрытие общегородской доминанты происходило при наличии на первом плане доминирующей формы периферийного района. Так, как раскрывалась Афина Промакос от храма Посейдона на мысе Суний; Парфенон – от статуи Афины; Киево-

Печерская Лавра – от Троицкого собора; башни Конгресса в центре Бразилиа – от собора у автомобильной развязки.

Таким образом, анализ теоретических концепций позволяет сделать ряд выводов:

1) подтверждаются связи осевых концепций в архитектуре со сферами знаний, в которых раскрывается на философском уровне их философская значимость. Эти связи ясно прослеживаются и в концепциях, посвященных истории архитектуры, и в концепциях, отражающих архитектуру современную;

2) такая устойчивость семантических констатаций позволяет сделать вывод о том, что вопрос о координатных построениях в архитектуре не может разрешаться на геометрическом уровне – просто как планировочное соотношение осей;

3) сделав вывод о семантической устойчивости преимущественно однонаправленных систем, нельзя уйти от другой проблемы, отмеченной в исследованных концепциях. Это – территориальная ограниченность при применении однонаправленных осевых систем. Тот факт, что подобные построения в архитектуре и градостроительстве входят в противоречие с многосложностью природной и функциональной основы, делает актуальным вопрос объединения разнонаправленных осевых структур;

4) приходится констатировать, что в исследуемых концепциях даются лишь общетеоретические рекомендации по этой проблеме; главным образом – в виде перехода от планиметрических к объемным построениям, при которых последние, каким-то образом могут связать в рамках города разнонаправленные фрагменты.

Каждое из этих положений предоставляет отправной материал для исследования вопроса об объединении разнонаправленных осевых структур как основы архитектурной композиции. Но в них расчленены два вопроса: о семантике однонаправленных осевых архитектурных фрагментов и об их объединении в разнонаправленную осевую структуру в конкретных функциональных и природных условиях.

1.Алферов И.А., Антонов В.Л. Формирование городской среды. – М.: Стройиздат, 1977. – 104 с.

2.Аранович Д.Н. Формирование архитектурной композиции города: Дисс... канд.archit.: 18.00.04. – М., 1946. – 75 с.

3.Баранов Н.Н. Силуэт города. – Л.: Стройиздат, 1980. – 184 с.

4.Баранов Н.В. Композиция центра города. – М.: Стройиздат, 1964. – 193 с.

5.Бархин М.Г. Городская структура и композиция. – М.: Наука, 1986. – 201 с.

6.Корбюзье. Архитектура XX века. – М.: Прогресс, 1970. – 304 с.

7.Линч К. Образ города. – М.: Стройиздат, 1982. – 328 с.

8.Страутманис И.А. Информативно-эмоциональный потенциал архитектуры: Ав-

УДК 711.165

Н.В.ХОДЮК, канд. архит.

Харьковская национальная академия городского хозяйства

ЦЕНТР ГОРОДА – ВАРИАНТЫ ЕГО РЕКОНСТРУКЦИИ

Излагаются основы развития центра города в процессе его реконструкции. Рассматриваются различные варианты использования старой застройки как важной архитектурно-градостроительной проблемы. Предлагаются основные приемы реконструкции.

Общественный центр города – среда, необходимая для реализации различных форм деятельности населения – основной структурный элемент и поэтому его реконструкция является центральной проблемой совершенствования архитектурно-планировочной структуры города, формирования его художественного облика [1].

Важнейшими в комплексе проблем, характеризующих текущий этап развития территории города, являются:

1) различный уровень интенсификации использования территории центра города (например, Харькова) отмечается неравномерностью землепользования при застройке исторического центра. Интенсификации подвергаются участки с наибольшей коммерческой стоимостью, имеющие развитую инфраструктуру и недвижимый фонд с небольшим физическим износом;

2) изменение специализации народнохозяйственного комплекса города, спад промышленного производства и развитие коммерческо-делового сектора – свидетельство переориентации городского населения. Вывод промышленных предприятий за территорию города проводится с частичной компенсацией производственных площадей на территории центра города;

3) „старение” проживающего населения центра и сохранение его численности (в три раза за период 1960-2000 гг.) [2] является одной из причин вывода промышленности. Дифференциация горожан по имущественному признаку и концентрация лиц с высоким уровнем дохода именно в пределах центра привела к сокращению посещаемости центра жителями периферии.

Проблемой является то, что отсутствие традиционного общегородского центра часто приводит к использованию непригодного для этих целей фонда (как правило, жилого), концентрация капитала